

УДК 821.111(73)

## КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ДЖ. ЕВГЕНИДИСА «СРЕДНИЙ ПОЛ»

**Лилия Фуатовна Хабибуллина**

д. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы  
Казанский федеральный университет, Институт филологии и  
межкультурной коммуникации  
420021, Казань, ул. Татарстан, 2. e-mail: fuatovna@list.ru

**Анастасия Александровна Виноградова**

студент отделения русской и зарубежной филологии им. Л. Н. Толстого  
Казанский федеральный университет, Институт филологии и  
межкультурной коммуникации  
420021, Казань, ул. Татарстан, 2. e-mail: vinogrado1993@mail.ru

В статье рассматривается роман Дж. Евгенидиса «Средний пол» (*Middlesex*, 2002), соединяющий в себе целый ряд актуальных для современного литературоведения проблем в контексте авторской концепции мультикультурализма, наиболее ярко проявляющейся в пространственных образах романа. Образ греческой Смирны является воплощением идеи «органического» мирного сосуществования наций на основе естественно сложившегося уклада. Американский Детройт представляет собой механистический мир «плавильного котла» наций, а современный немецкий Берлин демонстрирует возможности «истинного» мультикультурализма – места, где каждый «Другой» чувствует себя частью целого. Роман анализируется с точки зрения взаимодействия в нем исторической, мультикультурной и отчасти гендерной проблематики, затрагивается также проблема исторической травмы.

**Ключевые слова:** американская литература XXI в.; мультикультурализм; пространство; Дж. Евгенидис; «Средний пол»; гендер; историческая проблематика.

Роман американского писателя Джеффри Евгенидиса (1960) «Средний пол» (*Middlesex*, 2002), за который его автор получил Пулитцеровскую премию 2003 г., заслуживает особого внимания как произведение, соединившее в себе практически все значимые для литературы рубежа веков типы проблематики, такие как гендерная, мультикультурная, проблема травмы, в том числе исторической<sup>1</sup>. Именно этот роман писателя привлек к нему внимание читателей и критиков и уверенно ввел его в круг самых читаемых авторов XXI в.

Роман «Средний пол» занимает ключевое место в творчестве Дж.Евгенидиса, являясь продолжением в раскрытии проблемы гендерной самоидентификации, начатой им ещё в романе «Девственницы-самоубийцы» (*The Virgin Suicides*, 1993), затрагивая и тему эмиграции. В произведении описывается история взросления и

самоопределения американки греческого происхождения Каллиопа Стефанидис, которая в подростковом возрасте осознает себя юношей Каллом. Оно построено по законам романа воспитания: история главного героя связывается с историей бабушки и деда, покинувших Грецию, затем родителей, строивших свою жизнь в США, и завершается моментом взросления главной героини/героя. Как отмечает В.Прозоров, «общая идея истории трех поколений семьи Стефанидесов в романе состоит в том, что на смену бинарным оппозициям “природа”–“воспитание” (nature–nurture) приходят постмодернистская множественность и вариативность» [Прозоров 2012: 404]. Роман содержит активный исторический код, который поддерживается обильным упоминанием дат, исторических персонажей, событий. Таким же активным в романе является естественно-научный код, который укрупняется

за счет подробного описания особенностей генетического развития Калла-Каллиопы (синдром дефицита 5-альфа-редуктазы), а также упоминаемых известных медицинских трудов и случаев трансгендерных состояний. Специфика ситуации самоидентификации героини/ героя состоит в том, что параллельно с национальной самоидентификацией ((гречанка/грек)/ американец(-нка)) перед героиней/героем встает вопрос гендерной самоидентификации. Постепенный разрыв семьи с диаспорой, а также разрыв семейных связей сочетаются с осознанием специфики собственной гендерной природы центральным персонажем. Своеобразие романа состоит в том, что уникальность каждой ситуации самоидентификации личности здесь акцентируется через действительно крайне редкую гендерную ситуацию, которая заставляет героиню/героя не только осмысливать собственную природу, природу своих сексуальных предпочтений, но и выстраивать свой жизненный путь в условиях, не похожих на жизнь других людей. В то же время через культурный (мифологический) и исторический контекст прослеживается идея о всеобщем характере тех изменений в мире, которые обуславливают возможность подобной самоидентификации.

К концу XX в. формируется постмодернистская концепция истории, определяющая доминирование исторической темы в литературе конца века, особенно англоязычной, при этом исследователи и авторы обращают внимание на травмирующую роль истории в жизни индивида. Об этом, например, пишет О.Ю. Панова: «Объектом постмодернистской диверсии становится в 70–90-е история, которую писатели стремятся лишить достоверности и авторитетности. Не в последнюю очередь это связано с травмированностью человека ходом истории» [Панова 2004: 121]. Историческая проблематика в романе рассматривается в контексте ситуации миграции, связанной с исторической травмой. Фоном романа становится греко-турецкая война, в результате которой Дездемона и Элевтериос (Левти) Стефанидис покидают греческую Смирну (13 сентября 1922 г. во время «резни в Смирне», устроенной турецкой армией во главе с Мустафой Кемалем), ставшую впоследствии (после греко-турецкого обмена населением 1923 г.) турецким Измиром, а также развитие и кризис американского Детройта. В романе отражены знаковые события сентября 1922 г., известные как резня в Смирне, волнения на Двенадцатой улице в Детройте в июле 1967 г. Трагедия греческого народа дается через подробное описание происходящего; она оттеняется и трагедией армян, отраженной в ис-

тории доктора Нишана Филобозяна, потерявшего всю семью, вырезанную турками. Сложность межрасовых взаимоотношений в Америке накладывает отпечаток и на жизнь семьи главного героя/ героини. Стефанидисы приезжают в город в эпоху его роста, а заканчивается роман упадком Детройта. Налаженная жизнь греческих мигрантов разрушается в результате того, что их дом и кафе оказываются в центре расовых беспорядков, таким образом, одни меньшинства разрушают жизнь других. Обращаясь к актуальной для постмодернизма теме истории, Евгенидис, тем не менее, решает ее в постпостмодернистском, или неореалистическом, ключе, используя классическую форму семейной саги или романа-эпопеи, основанной, как уже говорилось, на схеме романа воспитания, но вкладывает в нее совершенно новые идеи. В контексте собственно американской литературы на историческую тему Евгенидис развивает традиции демифологизации национальной истории, которая становится ответом на миф об «историческом триумфе» Америки<sup>2</sup>.

Проблема меньшинств в романе решается одновременно и в национальном, и гендерном аспектах. Точкой пересечения для этих проблемных полей становится болезненная во все времена, но особенно актуальная для рубежа XX–XXI вв. ситуация принятия Другого/Иного. В 1990-е гг. гендерные исследования выходят за пределы чисто «женской» проблематики и обращаются, в частности, к проблемам маскулинности. В это время наметился переход от феминистской теории (актуализировавшей и проблематизировавшей именно женскую субъективность, в том числе женскую гомосексуальную) к гендерной теории (актуализирующей другие типы гендерных идентичностей – мужскую, мужскую гомосексуальную и транссексуальные). Г. Литвинцева отмечает: «Еще одна черта культуры и эстетики симулякра – это “транспозиционность”, когда упраздняются оппозиции: “мужское – женское”; “прекрасное – безобразное”; “добро – зло”; “человеческое – нечеловеческое” и т.д. Классический пример трансобъекта – это Майкл Джексон – в нем стираются оппозиции: “черное – белое”, “мужское – женское”, “искусственное – естественное”, “детское – взрослое”, “красивое – уродливое”» [Литвинцева 2011: 51]. Значимым для описания этой ситуации стал предложенный Терезой де Лауретис термин “квир-идентичность”: «Главным параметром в конструкции квир-субъективности является, таким образом, параметр нередуцируемости субъективности к любым застывшим идентификационным моделям – как гетеросексуальным, так и гомосексуальным, как белым, так и цветным, как

западным, так и незападным и т.п.» [Жеребкина 2011: 63]. Дж. Евгенидис обращается к теме, крайне актуальной в контексте этих исследований, одновременно новой и вечной. Пока дискуссии о естественном характере гомосексуальности продолжаются, явление гермафродитизма известно с древних времен. Писатель признается в интервью 2007 г., что заинтересовался этой проблемой в связи с греческой мифологией, узнав еще в школе о Тиресии, который мог одновременно существовать как женщина и как мужчина [Eugenides 2007: 1]. Ситуация инцеста, которая служит в романе завязкой всей истории, также воспринимается автором романа в контексте греческой мифологии<sup>3</sup>. Таким образом, автор дает возможность читателю рассмотреть значимые для современных гуманитарных наук проблемы с точки зрения их «вечного» измерения и показать одновременно множественность и уникальность отдельных жизненных ситуаций через биографию главной героини/ героя. Значимость этой проблемы в романе подчеркивается тем, что она подробно исследуется самой героиней/ героем, причем автор в связи с ней переплетает два, казалось бы, взаимоисключающих кода – научный и мифологический; при этом оба они «работают» на то, чтобы доказать укорененность гермафродитизма в истории, мифологии и науке с давних времен. Таким образом, проблема главной героини/ героя напоминает современную ситуацию квир-идентичности<sup>4</sup> и в то же время выглядит как нечто вполне органичное и давнее.

Аналогичным образом современная ситуация мультикультурного мира рассматривается автором не как нечто абсолютно новое, а как новый тип существования старых, патриархальных, естественных образцов поликультурного существования на пограничных территориях, например, между Европой и Азией. Здесь Евгенидис моделирует три основные стадии сосуществования наций: первая, патриархальная, условно донациональная, связана с тем периодом в истории человечества, когда национальные различия не были столь существенны и отступали на второй план, в частности, перед социальными, эта стадия представлена в романе образом греческой Смирны. Вторая, которую можно обозначить в соответствии с современной терминологией как эпоха национализма, воплощена в образе американского Детройта, несостоятельность этой эпохи подчеркивается и образом Сан-Франциско, который в романе предстает своего рода Содомом. «Постнациональная» модель реализована образом Берлина<sup>5</sup>. Мультикультурный контекст романа наиболее ярко проявляет себя в создании

пространственных образов, каждый из которых по-своему концептуален.

Предыстория героя, т.е. история инцестуальной связи Дездемоны и Элевтериоса Стефанидосов, разворачивается в Греции, которая представлена тремя основными топосами. Первый – это деревня Вифиния, где не было магазинов и банков, а была только церковь и таверна, воплощение замкнутости патриархальной жизни, территория Дездемоны, мир умирающих традиций и патриархальных ценностей; второй – город Бурса, где Элевтериос впервые познает вкус греха; третий – Смирна, которая становится и символом всего мира уходящих ценностей, и символом трагедии Греции. Образ Греции многозначен: во-первых, это мир патриархальной целостности, плодородия, изобилия и покоя, мир утраченного рая: «Не помню, говорил ли я, что летом улицы Смирны были уставлены корзинами с лепестками роз? Упомянул ли я, что все жители этого города владели французским, итальянским, греческим, турецким, английским и голландским языками? А рассказывал ли я о знаменитых смоквах, которые доставляли сюда караванами верблюдов и выбрасывали прямо на землю, так что женщины втапывали их в соленую воду, а дети садились на эти кучи, чтобы справить нужду? А упоминал ли я о том, что зловоние смешивалось с куда как более приятными ароматами миндаля, мимозы, лавра и персика и что на Марди Гра все надевали маски и устраивали изысканные обеды на палубах фрегатов? Я хочу напомнить обо всем этом, потому что все это происходило в городе, не принадлежавшем ни одной стране, так как он объединял в себе все страны, а также потому, что если вы отправитесь туда сейчас, то увидите лишь современные небоскребы, безликие бульвары, огромные фабрики с потогонной системой труда, штаб НАТО и надпись, гласящую “Измир”» [Евгенидис 2007: 20]. Во-вторых, патриархальная Смирна была центром древней культуры, для которого не существенны границы: «Купец столь же богат, сколь богатой была Смирна. Его предложение столь же соблазнительно, сколь соблазнительной была сама Смирна, считавшаяся самым космополитическим городом на Ближнем Востоке. Среди ее предполагаемых основателей были амазонки, что прекрасно согласуется с моей темой, и сам Тантал. Здесь родились Гомер и Аристотель Онассис. Восток и Запад, опера и политика, скрипка и зурна, рояль и даули соседствуют в Смирне столь же гармонично, как мед и лепестки роз в местных кондитерских» [там же: 15]. Утрата этого прошлого, в котором воплощается два идеала – патриархальный и культурный, – отчетливо

соотносится с мотивом утраченного рая. Символом природного созидательного характера патриархальной жизни становится шкатулка из оливкового дерева Дездемоны с шелковичными червями, которых изымают на таможне и которые не в состоянии выжить в мире механистической цивилизации, представленном Детройтом.

В связи с образом этого города в романе обозначается новый этап развития человечества в XX в.: «Люди лишились человечности в 1913 году, и это исторический факт. Именно в этом году Генри Форд начал массовый выпуск автомобилей и заставил рабочих работать со скоростью конвейера» [Евгенидис 2007: 24]. В Детройте дед героя принимает участие в представлении, изображающем «плавильный котел» на празднике на заводе Форда, работает на конвейере, затем торгует контрабандным алкоголем, держит ресторан, разоряется из-за беспорядков, устроенных чернокожими. Облик Детройта, каким он предстает перед героями-мигрантами, противоположен патриархальной и природной Греции и отображает механистический и антиприродный характер цивилизации. В романе образ города дается в динамике, самое начало машинной цивилизации уже несет в себе семя разрушения: «Повсюду возвышались небоскребы, кинотеатры и гостиницы. В двадцатых годах были возведены почти все знаменитые здания Детройта: здание Пенобскота и второе здание Буля с его разноцветным дизайном, напоминающим индейский пояс, здание Нового трастового фонда и башня Кадиллака. Моим деду и бабушке Детройт казался одним большим Коза-Ханом в сезон продажи коконов. Вот чего они не видели, так это спящих на улицах бездомных рабочих и тридцатиквартального гетто на востоке, кишящего афроамериканцами, которым было запрещено жить в других местах. Короче, им были не видны семена разрушения этого города». В финале отмечается: «Для того чтобы понять, что такое энтропия, надо родиться в Детройте. Здесь это понимаешь уже в раннем детстве. Поднимаясь вверх по желобу шоссе, мы разглядывали брошенные обгоревшие дома и пустые замерзшие стоянки, зараставшие летом травой. Когда-то элегантные многоквартирные здания соседствовали со свалками, а там, где раньше были кинотеатры и скорнячные лавки, располагались пункты переливания крови и миссии Матери Уэддлс. Детройт всегда действует гнетуще, когда возвращаешься в него из теплых краев» [там же: 132]. В романе даются и различные варианты жизни эмигрантов: так и не ассимилированная Дездемона противопоставлена своей американизированной кузине Сурмелине, законопослуш-

ный Левти нарушает закон из-за Джимми Зизи-мупулоса, торгующего алкоголем в годы сухого закона. Автор сосредотачивает внимание на ключевых моментах истории Детройта, воплощающего историю США, – Великая депрессия, 1960-е с их беспорядками и др. Образ Детройта историчен по своей сути и выводит еще на одну тему XX в. – тему механизированного мира, в котором происходит насильственное, дисгармоничное смешение наций и рас. Попытка насильственно «вернуть» Каллу его женскую сущность посредством операции также связывается с периодом его жизни в Детройте.

Оба мира – и патриархальный, и механизированный – связаны с ситуацией насилия и травмы. В Смирне это греко-турецкая война; воплощением непреодолимости травматического опыта выступает образ доктора Филобозяна, чью семью вырезали турки и чье спасение оказывается результатом его случайной встречи с Левти Стефанидисом. Этот образ становится символом непреодолимости опыта насилия и незаживаемости травмы истории: «Доктор Филобозян никогда не вспоминал Смирну и тут же уходил, если кто-нибудь при нем заговаривал о ней. Он никогда не говорил о своей первой жене и убитых детях. Может быть, поэтому ему и удалось выжить» [там же: 64].

В Детройте беспорядки в «черных» кварталах: «Душным летом 1967 года Детройт охвачен расовыми бунтами. Вот так взорвался двумя годами ранее. В начале июля беспорядки начались в Ньюарке. В результате все силы детройтской полиции патрулировали круглосуточные бары в черных кварталах, чтобы наносить упреждающие удары по всем взрывоопасным точкам» [там же: 97]. Данному периоду дается четкая аналогия: «В Смирне люди вытаскивали из домов свою мебель и несли ее к берегу, и то же самое происходило на экране телевизора. Мужчины вытаскивали из магазинов новенькие диваны. По улицам проплывали холодильники, плиты и посудомоечные машины. И точно так же, как в Смирне, люди спасали одежду. Женщины напяливали на себя шубы, несмотря на июльскую жару. Мужчины на бегу натягивали новые костюмы. “Смирна! Смирна! Смирна!” – не переставая причитала Дездемона, и я, уже довольно много слышавший о ней к своим семи годам, вглядывался в экран телевизора, чтобы понять, как это было. В июле 1967 года в Детройте происходило не что иное, как партизанская война» [там же: 102].

Обе ситуации насилия связаны для автора с мусульманским элементом, в первом случае – с турецким насилием, во втором – беспорядки в Детройте опосредованно связываются с мусуль-

манской пропагандой, которую ведет в черных кварталах некий Фард Мухамед, он же Джимми Зизмо, псевдогрек, псевдопророк и якобы агент Гитлера. (В соответствии с другими сведениями, опубликованными в 1959 г. чикагскими газетами, «У.Д. Фард являлся нацистским агентом турецкого происхождения» и работал на Гитлера<sup>6</sup>.) Мусульманский компонент связан с мотивом предательства вольного или невольного. В первом случае это не сыгравшая свою роль охранная грамота, выданная доктору Филобозяну Мустафой Кемалем (оказалось, что нападавшие турки просто не умели читать), во втором – это непреодолимость межрасовых и межрелигиозных противоречий, которая заставила подростка Мариуса Викзевиксарда Чаллухличилчеца Граймза, названного в честь эфиопского националиста, несмотря на соседские отношения и дружбу с Каллиопой, поджечь ресторан Мильтона Стефанидиса, ее отца. «Черный армейский берет, солнцезащитные очки и черный платочек в нагрудном кармане. Мариус стоял в таком виде на углу, пробуждая самосознание проходящих. «Салон „Зебра“, – показывал он своим костлявым пальцем, – принадлежит белым. Магазин телевизоров, – он переводил его дальше, – тоже белым. Бакалея – белым. Банк – белым... – Слушатели только успевали переводить глаза. – Теперь вы поняли? Они же не дают ссуды черным!» [Евгенидис 2007: 102]. Евгенидис не акцентирует вину черного населения, но тесная взаимосвязь темы насилия с мусульманским контекстом говорит сама за себя.

Альтернативу этим мирам представляет современный мультикультурный Берлин, город, становящийся в романе символом разрешения противоречий: «И вот американец Стефанидис, потомок греков, сидит на Хауптштрассе и восхищается этим турецким иммигрантом в Германии в 2001 г. Все мы неоднозначны. Не только я» [Евгенидис 2007: 129]. Калл, уважаемый житель Берлина, работник посольства, который в финале устраивает и личную жизнь, подчеркивает, что именно в этом городе он обретает себя: «Этот когда-то разделенный надвое город чем-то похож на меня. На мою борьбу за объединение, за Einheit» [Евгенидис 2007: 131]. Этот образ единственный остается «незавершенным», т.е. мир мультикультурного Берлина не уничтожен в романе, он утверждается как мир обретенной гармонии. История Калла Стефанидиса описывает параболу: начавшись на территории Европы с истории его бабушки и дедушки, нарушивших изначальную гармонию инцестуальной связью (что становится возможным благодаря разрушительному вмешательству истории), она заканчи-

вается в Европе надеждой на обретение персональной гармонии в мире новой толерантности и мультикультурных ценностей.

Все это включает историю жизни героя в более широкий контекст, позволяющий рассматривать её не как личную драму, а как часть тех процессов, которые происходят с человечеством в XX в. и на протяжении его существования в целом. Этот контекст связывает гендерную и национальную инаковость героя/ героини воедино и позволяет вписать его «случай» не только в историю медицины, что происходит в романе благодаря наличию научного дискурса, но и в культурно-исторический контекст. Три основных пространственных образа романа способствуют реализации идеологии романа, иллюстрируя авторскую концепцию развития идеи мультикультурализма. История в романе движется от естественной многонациональности (в Смирне), где благополучие держится на патриархальных ценностях и законах мирной торговли, через механистический мир Детройта, где искусственное соединение народов не приносит им счастья, к новой модели толерантности и открытых возможностей для каждого человека независимо от его национальной и гендерной принадлежности, реализованной в Берлине. Оптимистическая картина, созданная в романе писателя, демонстрирует его уверенность в перспективах мультикультурного мира.

#### Примечания

<sup>1</sup> Подробно о ситуации в зарубежной литературе рубежа веков см.: [Фролов, Хабибуллина 2014].

<sup>2</sup> Мнение о том, что Евгенидис осознанно дистанцируется от постмодернистской традиции, как и причисление его к традиции, противостоящей идеализации американской истории, высказывалось американскими исследователями С. Коэном и Я. Атанассакисом [Coen 2007].

<sup>3</sup> В интервью журналу «Пари матч» Евгенидис замечает: «Zeus and Hera were brother and sister, too, of course. *Middlesex* begins as a kind of fairy tale [Eugenides].

<sup>4</sup> Квир-идентичность включает в себя практики по изменению своего тела, в том числе и такие, как бодибилдинг, пирсинг, татуировки, нанесение шрамов и пр.

<sup>5</sup> Эта авторская концепция в целом является индивидуальной, и определения, которые мы здесь используем, не являются терминами в строгом смысле слова, но то же время именно подобные литературные версии мифологизации прошлого и конструирования идеалов настоящего становились основой концепций развития

нации и мировой истории. Эта область широко исследована в социологии и культурологии, отчасти в литературоведении, и, на наш взгляд, размышления писателя соотносятся с этими исследованиями; мы можем сослаться в самом общем виде лишь на некоторые работы, описывающие процессы создания мифологизированных образов нации [Андерсон 2001; Барт 1996; Геллнер 2002; Саид 2006; Тимофеев 2005; Тишков 1998; Бреева, Хабибуллина 2009 и др.]

<sup>6</sup> В одном из интервью Евгенидис признается, что история Фарда стала одним из толчков к написанию романа [Gibbons 2011].

### Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.

Барт Р. Мифологии / пер с фр.; вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.

Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань: ТГГПУ, 2009. 613 с.

Геллнер Э. Пришествие национализма: Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Новая наука политики, 2002. С.147–162.

Евгенидис Дж. Средний пол. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=8469> (дата обращения: 22.10.2014).

Жеребкина И. А. Концепции квинидентичности (Тереза де Лауретис, Элизабет Гросс и Ив Кософски Сэдживик) // Введение в гендерные исследования Ч.1: Феминистская теория 90-х годов. 2011. С. 63–66. URL: <http://genderstudiescentre.wordpress.com/2011/11/05/> (дата обращения: 22.10.2014).

Литвинцева Г. Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник С.-Петербур. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 2. С. 43–54.

Панова О. Ю. От модернизма к постмодернизму и художественному синтезу (статья вторая) // Современная Европа. 2004. № 2. С. 120–133.

Прозоров В. Г. «Безумно недостоверное “я”»: личность в постмодернистском романе США на рубеже XX—XXI веков // Америка: литературные и культурные отображения / под ред. О. Ю. Анцыферовой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 386–404.

Саид Э. Ориентализм / пер. с англ. А. В. Говорунова. М.: «Русский мир», 2006. 640 с.

Тимофеев М. Ю. Нациосфера. Опыт анализа семиосферы наций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 279 с.

Тишков В. А. Забыть о нации: (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–15.

Фролов Г. А., Хабибуллина Л. Ф. К смене литературных эпох на Западе: теоретический аспект // Филология и культура. 2014. № 3. С. 187–194.

Athanassakis Y. «The American girl I had once been»: Psychosomatic trauma and history in Jeffrey Eugenides' *Middlesex* // European journal of American culture. Bristol: Intellect limited, 2011. Vol. 30, N 3. P. 217–230.

Cohen S. The novel in a time of terror: *Middlesex*, history, and contemporary American fiction // Twentieth century literature. Hempstead: Hofstra Univ. Press, 2007. Vol. 53, N 3. P. 371–393.

Gibbons J. The Art of Fiction No. 215 // The Paris Review, 2011. No.199. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/6117/the-art-of-fiction-no-215-jeffrey-eugenides> (дата обращения: 1.08.2015).

Winfrey O. A Conversation With Jeffrey Eugenides. URL: <http://www.oprah.com/ophrasbookclub/A-Conversation-with-Middlesex-Author-Jeffrey-Eugenides> (дата обращения: 1.08.2015).

### References

Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: “Kanon-press-Tc”, “Kuchkovo pole”, 2001. 288 p.

Athanassakis Y. «The American girl I had once been»: Psychosomatic trauma and history in Jeffrey Eugenides' *Middlesex* // European journal of American culture. Bristol: Intellect limited, 2011. Vol. 30. № 3. P. 217-230.

Bart R. Mifologii [Mythologies]. Moscow: Sabashnikovs' Publ., 1996. 312 p.

Breeva T. N., Khabibullina L. F. Natsional'nyj mif v russkoj i anglijskoj literature [National myth in Russian and English literature]. Kazan: TGGPU Publ., 2009. 613 p.

Cohen S. The novel in a time of terror: *Middlesex*, history, and contemporary American fiction // Twentieth century literature. Hempstead: Hofstra univ. press, 2007. Vol. 53. № 3. P. 371-393.

Eugenides J. Srednij pol [Middlesex]. Available at: <http://www.litmir.net/br/?b=8469> (accessed 22.10.2014).

Frolov G. A., Khabibullina L. F. K smene literaturnykh epokh na Zapade: teoreticheskij aspekt [On change of literary epochs in the West: theoretical

aspect]. *Filologija i kul'tura* [Filology and Culture]. 2014. Iss. 3. P. 187-194.

*Gellner E.* Prishestvie natsionalizma: Mify natsii i klassa [The coming of nationalism: the myths of nation and class]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow: Novaja nauka politiki Publ., 2002. P. 147-162.

*Gibbons J.* The Art of Fiction No. 215 // The Paris Review. 2011. No.199. Available at: <http://www.theparisreview.org/interviews/6117/the-art-of-fiction-no-215-jeffrey-eugenides> (accessed 01.08.2015).

*Litvintseva G. Ju.* Giperreal'nost' v epokhu postmoderna [Hyperreality in the postmodern era]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [St. Petersburg State University of Culture and Arts Herald]. 2011. Iss. 2. P. 43-54.

*Panova O. Ju.* Ot modernizma k postmodernizmu i khudozhestvennomy sintezu (stat'ja vtoraja) [From modernism to postmodernism and artistic synthesis (second article)]. *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe]. 2004. № 2. P. 120-133.

*Prozorov V. G.* "Bezumno nedostovernoe "ja": lichnost' v postmodernistskom romane SShA na rubezhe XX—XXI vekov ["Incredibly unreliable "I": Identity in the postmodern novel in the USA at the turn of XX – XXI centuries]. *Amerika: literaturnye i kul'turnye otobrazhenija* [America: literary

and cultural reflections] / ed. by O. Ju. Antsyferova]. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 2012. P. 386-404.

*Said E.* Orientalizm [Orientalism] / transl. from Engl. by A.V. Govorunov. Moscow: "Russkij mir" Publ., 2006. 640 p.

*Timofeev M. Ju.* Natsiosfera. Opyt analiza semi-osfery natsij [Nationsphere. Experience in analysing semiosphere of nations]. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 2005. 279 p.

*Tishkov V. A.* Zabyt' o natsii: (post-natsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma) [Forget about the nation: (post-nationalistic understanding of nationalism)]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1998. Iss. 9. P. 3-15.

*Winfrey O.* A Conversation with Jeffrey Eugenides. Available at: <http://www.oprah.com/ophrasbookclub/A-Conversation-with-Middlesex-Author-Jeffrey-Eugenides> (accessed 01.08.2015).

*Zherebkina I. A.* Kontseptsii kvir-identichnosti (Tereza de Lauretis, Elizabet Gross i Iv Kosofski Sedzhvik) [Queer identity concepts (Teresa de Lauretis, Elizabeth Grosz and Eve Kosofsky Sedgwick)]. *Vvedenie v gendernye issledovanija. Ch. 1. Feministskaja teorija 90-ykh godov* [Introduction to Gender Studies. Part 1. Feminist Theory of the 90s]. P. 63-66. Available at: <http://genderstudiescentre.wordpress.com/2011/11/05/> (accessed 22.10.2014).

## CONCEPTIONS OF MULTICULTURAL SPACE IN J.K. EUGENIDES' NOVEL «MIDDLESEX»

**Liliya F. Khabibullina**

Professor in the Department of Foreign Literature

Kazan Federal University, Institute of Philology and Intercultural Communication

**Anastasia A. Vinogradova**

Student

Kazan Federal University, Institute of Philology and Intercultural Communication

The article discusses J.K. Eugenides' novel «Middlesex», combining a range of issues topical for modern literary criticism in the context of the author's concept of multiculturalism, which is most vividly manifested in the spatial images of the novel. The image of Greek Smyrna presents the idea of «organic» peaceful co-existence of nations on the basis of the natural way of life. American Detroit embodies the mechanical world of the «melting pot» of nations, and modern German Berlin demonstrates the possibility of the «true» multiculturalism, of the place where each «Other one» can feel himself as part of the whole. The novel is analysed in terms of interactions of historical, multicultural and partly gender issues. The problem of historical trauma is also addressed.

**Key words:** American literature of the XXI century; multiculturalism; J. Eugenides; «Middlesex»; gender; historical issues.